

Гипотеза: когда мне предоставляется выбор между А (несколько неудобной ситуацией) и В (полный бардак с разрушительными последствиями), я в конечном счете непременно выберу В.

Два года и одиннадцать месяцев спустя

В защиту Оливии следует заметить, что мужчина, кажется, не слишком возражал против поцелуя. Ему, правда, потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя — учитывая внезапность, его можно было понять. Это была неловкая, неудобная, несколько болезненная минута, в течение которой Оливия прижималась губами к его губам. Чтобы ее рот оказался на уровне его лица, ей пришлось изо всех сил тянуться вверх, стоя на носочках. Ну вот почему он такой высокий? Поцелуй, должно быть, выглядел так, будто она неуклюже пыталась его боднуть, и она начала беспокоиться, что ее план не сработает. Ее подруга Ань, которую Оливия увидела

несколько минут назад, с первого взгляда поймет, что у них с Поцелованным Чуваком никакого не свидание.

А потом это мучительно медленное мгновение прошло, и поцелуй стал... другим. Мужчина резко вдохнул и чуть склонил голову, отчего Оливия перестала чувствовать себя помесью белки и обезьяны, которая лезет на пальму, а его руки — большие и приятно теплые в холодном кондиционированном коридоре — сомкнулись на ее талии. Они скользнули вверх на несколько сантиметров, обхватили грудную клетку Оливии и прижали ее к себе. Не слишком тесно, но крепко.

Как надо.

Это был скорее долгий, чем глубокий поцелуй, но было довольно приятно, и за несколько секунд Оливия успела о многом забыть, включая тот факт, что она прижимается к случайному незнакомцу. И что у нее едва хватило времени прошептать: «Можно я вас поцелую?» — прежде чем прижаться губами к его губам. И все это представление она устроила в надежде обмануть Ань — ее лучшую в мире подругу.

Но хороший поцелуй творит чудеса: девушка может на какое-то время забыть обо всем на свете. Оливия поняла, что растекается по широкой, крепкой груди, на которую так приятно было опереться. Она провела руками по твердой линии подбородка и запустила пальцы в удивительно густые и мягкие волосы, а потом... потом она услышала собственный вздох, как будто ей уже не хватало воздуха, и вот тогда ее словно кирпичом по голове ударило... Нет. Нет.

Нетушки, *нет*.

Нельзя получать от этого удовольствие. Какой-то незнакомый чувак, вот это все. Оливия сделала резкий вдох, отстранилась и начала отчаянно искать взглядом Ань. Одиннадцать часов вечера, голубоватый свет в коридоре биологических лабораторий, и ее подруги нигде

не видно. Странно. Оливия была уверена, что видела ее за несколько секунд до этого.

Поцелованный Чувак, приоткрыв губы, стоял прямо перед ней, грудь его вздымалась, в глазах мерцал странный свет, и в тот момент она поняла чудовищность того, что только что сделала. *Кого* она только что...

Гребанный трындец.

Просто жель.

Потому что доктор Адам Карлсен был известным мудаком.

Само по себе это мало кого могло удивить, поскольку в академических кругах от любого, кто стоял выше уровня аспиранта — выше Оливии, к сожалению, — требовалась определенная степень сволочизма, чтобы удержаться на своем месте хоть какое-то время, а штатные преподаватели составляли верхушку этой сволочной пирамиды. Доктор Карлсен, однако, превосходил их всех. По крайней мере, по слухам.

Именно из-за него Малькольму, соседу Оливии, пришлось полностью отказаться от двух исследовательских проектов и, скорее всего, отложить защиту на год. Именно из-за него Джереми блевал от волнения перед квалификационным экзаменом. Доктор Карлсен был единственной причиной, по которой половине студентов биофака пришлось отложить защиту дипломов. Джо, одноклассник Оливии, еженедельно водивший ее смотреть европейские фильмы плохого качества с микроскопическими субтитрами, был аспирантом-исследователем в лаборатории Карлсена, но спустя полгода бросил аспирантуру «по личным обстоятельствам». Видимо, это было правильным решением, поскольку у большинства оставшихся аспирантов Карлсена вечно дрожали руки, а выглядели они так, будто уже год не спали.

Доктор Карлсен, может, и был рок-звездой академического мира и вундеркиндом в биологии, но еще он

вечно ходил злой и всем недовольный и, судя по его интонациям и поведению, считал, что, кроме него, никто на биофаке Стэнфорда не занимается настоящей наукой. А может быть, и во всем мире. Все знали, что он невыносимый мудила, и все его боялись.

А Оливия только что его поцеловала.

Она не знала, сколько длилось молчание... Она была уверена только в том, что нарушил его Карлсен. Он стоял перед Оливией, до смешного устрашающий, с темными глазами и еще более темными волосами, глядя вниз с почти двухметровой высоты — он был выше ее сантиметров на двадцать. Карлсен хмурился — с таким выражением Оливия видела его на кафедральных семинарах. Оно обычно появлялось перед тем, как он поднимал руку, чтобы указать на какой-то роковой недостаток в работе докладчика. Оливия слышала однажды, как ее научрук назвал его «Адам Карлсен, разрушитель научных карьер».

Все в порядке. Все хорошо. Все в полном порядке. Она просто притворится, будто ничего не случилось, вежливо кивнет ему и потихонечку уберется отсюда. *Да, надежный план.*

— Вы... Вы что, поцеловали меня? — Он, кажется, удивился и, возможно, даже немного задыхался. Губы у него были полные, припухшие, и... Боже. Целованные. Оливия никак не смогла бы отрицать то, что только что сделала.

Но все же стоило попробовать.

— Нет.

К ее удивлению это, кажется, сработало.

— А. Тогда ладно. — Карлсен кивнул и повернулся, кажется, слегка растерявшись. Сделал пару шагов по коридору и добрался до фонтанчика с водой, к которому, вероятно, и направлялся изначально.

Оливия уже почти поверила, что ей это сойдет с рук, но тут он остановился и обернулся с недоверчивым видом:

— Вы уверены?

Вот блин.

— Я... — Она закрыла лицо руками. — Все не так, как кажется.

— Ладно. Я... Ладно, — медленно повторил он. Голос у него был глубокий и низкий и звучал так, будто он вот-вот взбесится. Как будто он уже взбесился. — Что вообще происходит?

Она просто не могла ему этого объяснить. Любой нормальный человек счел бы положение Оливии странным, но Адам Карлсен, который, очевидно, считал эмпатию багом, а не нормальным человеческим качеством, никогда не смог бы этого понять. Она уронила руки и сделала глубокий вдох.

— Я... послушайте, не хочу грубить, но это вообще не ваше дело.

Он смотрел на нее минуту, затем кивнул.

— Да. Конечно. — Должно быть, он уже пришел в себя, поскольку тон из удивленного снова стал обычным, сухим. Отрывистым. — Тогда я вернусь к себе в кабинет и начну составлять жалобу по Девятому разделу.

Оливия вздохнула с облегчением.

— Да. Это было бы здорово, потому что... Стоп, что? Карлсен вздернул подбородок.

— Девятый раздел — это федеральный закон, защищающий от сексуальных домогательств в академических учреждениях...

— Я знаю, что такое Девятый раздел.

— Понятно. То есть вы сознательно решили им пренебречь.

— Я... Что? Нет-нет, что вы!

Он пожал плечами.

— Наверное, я ошибся. На меня, должно быть, набросился кто-то другой.

— Набросился... Я на вас не набрасывалась.

— Вы поцеловали меня.

— Но не *по-настоящему*.

— Без моего предварительного согласия.

— Я *спросила*, могу ли я вас поцеловать!

— А затем сделали это, не дождавшись моего ответа.

— Что? Вы сказали «да».

— Прошу прощения?

Оливия нахмурилась.

— Я спросила, могу ли поцеловать вас, и вы сказали «да».

— Неверно. Вы спросили, можете ли поцеловать меня, и я фыркнул.

— Я *практически уверена*, что вы сказали «да».

Он приподнял бровь, и на минуту Оливия позволила себе помечтать об утоплении. Утопить доктора Карлсена. Или утопиться самой... Оба варианта казались заманчивыми.

— Послушайте, я очень извиняюсь. Это была неловкая ситуация. Мы можем просто об этом забыть?

Он внимательно смотрел на нее. На его угловатом лице застыло серьезное выражение, и было что-то еще, что она не могла до конца расшифровать, потому что была слишком занята, снова и снова отмечая про себя, какой он высокий и крупный. Просто огромный. Оливия всегда была хрупкой, почти чересчур худой, но девушки ростом 173 сантиметра редко чувствуют себя миниатюрными. По крайней мере, до тех пор, пока не оказываются рядом с Адамом Карлсеном. Она, конечно, знала, что он высокий: видела его на факультете и на территории кампуса, иногда оказывалась с ним в лифте, — но они никогда не разговаривали. Никогда не находились так близко друг к другу.

Если не считать того момента секунду назад, Оливия. Когда ты почти сунула язык ему...

— Все в порядке? — в его голосе почти прозвучало беспокойство.

— Что? Да-да, все отлично.

— Потому что, — спокойно продолжил он, — поцелуй с незнакомцем в полночь в научной лаборатории может быть признаком того, что это не так.

— Это так.

Карлсен любезно кивнул.

— Очень хорошо. Тогда ждите письма в ближайшие несколько дней. — Он прошел мимо нее, и она повернулась, чтобы крикнуть ему вслед.

— Вы даже не спросили моего имени!

— Уверен, любой бы смог вычислить его, поскольку вы воспользовались пропуском, чтобы попасть в лабораторию в нерабочее время. Доброй ночи.

— Постойте! — Она протянула руку, схватив его за запястье, чтобы остановить. Он тут же замер, хотя очевидно было, что ему не составит труда освободиться, и пристально уставился туда, где ее пальцы смыкались на его коже: как раз под наручными часами, которые, вероятно стоили половину ее годовой зарплаты. Или всю годовую зарплату.

Она тут же отпустила его руку и отступила назад.

— Прошу прощения, я не хотела...

— Поцелуй. Объяснитесь.

Оливия прикусила нижнюю губу. Она сильно облажалась. Нужно было объяснить ему все прямо сейчас.

— Ань Фам. — Оливия оглянулась: требовалось убедиться, что Ань действительно ушла. — Девушка, которая проходила мимо. Она аспирантка на биофаке.

Карлсен никак не отреагировал: непонятно было, знает ли он ее.

— Ань... — Оливия заправила прядь своих каштановых волос за ухо. На этом моменте история становилась дурацкой. Запутанной и какой-то подростковой. — Я встречалась с парнем с факультета, Джереми Лэнгли, он рыжий и работает с доктором... Неважно, у нас была

всего пара свиданий, а потом я привела его на день рождения Ань, и они вроде как понравились друг другу, и...

Оливия закрыла глаза. Что, кажется, было плохой идеей, потому что перед глазами снова встала картина: ее лучшая подруга и парень, с которым у нее свидание, шутят друг с другом в боулинге, как будто знакомы всю жизнь, у них никогда не заканчиваются темы для разговоров, а потом, в конце вечеринки, Джереми следит взглядом за каждым движением Ань. Было до боли очевидно, кто ему на самом деле нравится. Оливия махнула рукой и попыталась улыбнуться.

— Если коротко, после того как мы решили расстаться, Джереми пригласил Ань на свидание. Она отказала из-за всех этих правил женской солидарности и всего такого, но я ручаюсь, что он ей *очень* нравится. Она боится ранить мои чувства, и, сколько я ни говорю, что все в порядке, она мне не верит.

«Не говоря уже о том, что на днях я подслушала ее разговор с нашим другом Малькольмом. Она считает Джереми потрясающим, но никогда не сможет предать меня и начать с ним встречаться, и она была так подавлена. Она была такая унылая и неуверенная — совсем не похожа на ту отважную, яркую Ань, к которой я привыкла».

— Так что я просто солгала ей и сказала, что уже кое с кем встречаюсь. Потому что она одна из самых близких моих подруг, и я никогда не видела, чтобы ей так нравился парень, и я хочу, чтобы у нее было все то хорошее, чего она заслуживает, и я уверена, что она бы сделала для меня то же, и... — Оливия поняла, что говорит бессвязно, а Карлсену все равно. Она замолкла и сглотнула, хотя во рту у нее пересохло. — Сегодня вечером. Я сказала ей, что иду на свидание *сегодня вечером*.

— Вот как. — По его лицу ничего нельзя было понять.

— Но у меня нет сегодня свидания. И я решила прийти сюда, поработать над экспериментом, но и Ань внезапно тут появилась. Она не собиралась быть здесь. Но была. Шла сюда. И я запаниковала... вот. — Оливия провела рукой по лицу. — Я не подумала.

Карлсен ничего не сказал, но в глазах его читалось: «Очевидно».

— Мне просто нужно было, чтобы она поверила, будто у меня свидание.

Он кивнул.

— И вы поцеловали первого, кого увидели в коридоре. Совершенно логично.

Оливия поморщилась.

— Когда вы так говорите, кажется, что это не лучшее мое решение.

— Наверное, не лучшее.

— Но и не худшее! Я практически уверена, что Ань нас видела. Теперь она будет считать, что у меня было свидание с вами, и, надеюсь, будет чувствовать себя вправе пойти на свидание с Джереми, и... — Она покачала головой. — Послушайте. Мне правда очень стыдно за этот поцелуй.

— Неужели?

— Пожалуйста, не надо на меня жаловаться. Я правда подумала, что вы сказали «да». Клянусь, я не хотела...

Внезапно на нее обрушилось осознание того, что она только что сделала. Она поцеловала случайного парня, который оказался самым знаменитым из всех неприятных преподавателей биологического факультета. Она приняла фырканье за согласие, она фактически напала на него в коридоре, и теперь он смотрел на нее таким странным, задумчивым взглядом, такой большой, сосредоточенный, он стоял так близко, и...

Вот дерьмо.

Возможно, время было слишком позднее. Возможно, проблема заключалась в том, что кофе в последний раз она пила шестнадцать часов назад. Возможно, виноват был Адам Карлсен, глядящий на нее сверху вниз *вот так*. Но внезапно все это стало просто невыносимым.

— На самом деле вы абсолютно правы. И мне очень жаль. Если вам это показалось сексуальным домогательством, вам действительно стоит написать рапорт, это будет совершенно справедливо. Это был ужасный поступок, хотя я и правда не хотела этого делать. Не то чтобы мои намерения что-то значили, важнее то, как вы восприняли...

Дерьмо, дерьмо, дерьмо.

— Я пойду, хорошо? Спасибо вам и, пожалуйста, пожалуйста, простите. — Оливия развернулась и побежала по коридору.

— Оливия, — услышала она за спиной. — Оливия, подождите...

Она не остановилась, кубарем скатилась по лестнице на первый этаж, выбежала из здания и понеслась по плохо освещенным дорожкам кампуса Стэнфордского университета мимо девушки с собакой и группы смеющихся студентов у библиотеки. Она бежала, пока не оказалась перед дверью своей квартиры, остановившись лишь затем, чтобы отпереть ее, и бросилась прямо в свою комнату, надеясь избежать встречи с соседом и с очередным его гостем, которого он потенциально мог привести домой этим вечером.

Только когда Оливия рухнула на постель, уставившись на светящиеся в темноте звезды, приклеенные к потолку, она поняла, что забыла проверить своих лабораторных мышей. Еще она оставила где-то в лаборатории на скамейке ноутбук и толстовку и вдобавок

напрочь забыла заскочить в магазин за кофе, который обещала Малькольму к завтрашнему утру.

Дерьмо. Что за ужасный день.

Оливия так и не осознала, что доктор Адам Карлсен — известный своим сволочизмом — окликнул ее по имени.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

